

ГЕНРИ РАЙДЕР

ХИГРИ

ОНА

АЭША

ЛЕДЯНЫЕ БОГИ

ДИТЯ БУРИ

НАДА

Генри Райдер Хаггард

Дитя бури

«Public Domain»

Хаггард Г.

Дитя бури / Г. Хаггард — «Public Domain»,

Содержание

Глава I. Аллан Квотерман слышит о Мамине	5
Глава II. Дурман знахаря	14
Глава III. Охота	21
Глава IV. Мамина	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Генри Райдер Хаггард

Дитя бури

Глава I. Аллан Квотерман слышит о Мамине

Мы, люди белой расы, думаем, что знаем все. Например, мы думаем, что понимаем природу человека. Но в действительности мы понимаем ее лишь так, как она представляется нам: а именно со всеми прикрасами, неясно обрисовывающимися сквозь завесу наших условностей, и упускаем из вида те ее проявления, которые мы забыли или о которых мы находим неприятным вспоминать. Но я, Аллан Квотерман, размышляя об этих вещах как человек невежественный и необразованный, всегда находил, что никто в действительности не может понять человеческой природы, если он не изучил ее в грубых, некультурных формах. А с этими проявлениями ее я был отлично знаком.

Дело в том, что в жизни мне приходилось иметь дело преимущественно с сырым материалом, с девственной рудой, а не с отделанными и полированными предметами, выделяемыми из нее (если только можно считать их отделанными, в чем я сильно сомневаюсь). Я думаю, что придет время, когда более культурные поколения будут смотреть на нас как на грубые, полуразвитые существа, единственной заслугой которых было то, что мы передали потомству огонь жизни.

В жизни все относительно, и на одном конце лестницы стоит человек-обезьяна, а на другом – сверхчеловек, то есть то последнее явление человечества, которое я не хочу и не могу предугадывать.

Но на всех ступенях развития человек остается все же человеком. Я хочу этим сказать, что те же страсти обуревают его, и стремится он к тем же честолюбивым целям, и познает те же радости, и удручен теми же горестями – все равно, живет ли он в негритянской хижине или в европейском раззолоченном дворце, ходит ли он на двух ногах или летает по воздуху. Для меня одно несомненно: человек, куда он жив, поступает в главных своих действиях так, как поступали его предки в течение бесчисленных веков с некоторыми, конечно, изменениями, вызываемыми климатом, местными условиями и обычаями.

Вот почему я всегда считал дикарей такими интересными. В них обнажены и ярче выражены те вечные принципы, которые управляют нашей человеческой природой.

И поэтому именно я счел нужным записать на досуге различные случаи из моей жизни, в которых, по моему мнению, выявляется эта наша общая природа. Очень может быть, что никто никогда не прочтет моих записок; но все-таки – кто знает? Быть может, когда-нибудь в будущем они и попадут в чьи-либо руки и окажутся ценным материалом для изучения человеческой природы. Во всяком случае, я рассказываю правдивые истории об интересных племенах. Если последние выйдут живыми из дикой борьбы народов, то им, наверное, суждено подвергнуться большим переменам. Поэтому я хочу изобразить их такими, каковы они сейчас, куда их еще не постигли изменения.

Первая из моих историй – хотя и не в строго хронологическом порядке – гласит об одной женщине: о самой, по моему мнению, красивой женщине, которая когда-либо встречалась у племени зулусов. Вместе с тем это была и самая умная, и самая честолюбивая, и самая порочная женщина. Ее имя – Мамина. Но ее звали также Дитя Бури, потому что она родилась в ночь, когда свирепствовала страшная буря.

Мамина мне очень напоминает прекрасную Елену, описанную греческим поэтом Гомером. Во всяком случае, общее между ними то, что обе они были красивые, хотя одна из них была черная или, вернее, бронзовая, а другая белая; кроме того, обе они были вероломные и

были причиной гибели сотни мужчин. На этом, пожалуй, кончается сходство, так как в Мамине было гораздо больше темперамента, чем в Елене, которая, если только Гомер верно изображает ее, была в конце концов недалекой, пустой женщиной. Елена была воплощением красоты, которую эти старые плуты, греческие боги, использовали как ловушку для поимки многих достойных мужей. Такова была Елена, как понимаю ее я, не получивший классического образования. Мамина же, хотя она и была суеверной – обычная слабость женщин – не признавала никаких богов и расставляла свои ловушки с переменным успехом, но с весьма определенной целью – играть видную роль в стране зулусов.

С Маминой я встретился в первый раз в 1854 году, и мое знакомство с ней продолжалось до 1856 года, когда оно оборвалось после кровопролитной битвы при Тугеле, в которой погиб Умбелазу, сын Панды и брат Сетевайо, на свое несчастье тоже встретившийся с Маминой.

В те дни я был еще молодым человеком, хотя уже успел схоронить свою вторую жену после краткой, но счастливой брачной жизни. Оставив своего сынишку в Дюрбане, на попечении верных и добрых людей, я отправился на землю зулусов, где уже бывал еще юношей. На этот раз я поехал туда, чтобы удовлетворить свою страсть охотника и попутно заняться торговлей.

В сущности, у меня не было призвания к коммерческим делам, что видно из того, как мало я достиг в этом направлении. Но охота всегда была моей страстью – не потому, что я люблю убивать живые существа. Нет, могу вас уверить, что во мне главным образом говорило спортивное чувство. Мне нравилась бродячая жизнь в диких местах, где часто моими спутниками были только небесные светила; нравились постоянные приключения; нравилось знакомиться с новыми племенами, с которыми мне приходилось сталкиваться. Короче говоря, меня привлекала и теперь еще привлекает вечная перемена, опасность положения и надежда открыть что-нибудь новое.

Дело было в мае 1854 года, когда я отправился охотиться в дикую местность между реками Белым и Черным Умволози. Охоту мне разрешил сам Панда, которого буры сделали правителем страны зулусов после поражения и смерти его брат Дингаана. Район был весьма неблагополучен по лихорадке, а потому я отправился туда в зимние месяцы. Местность была так густо покрыта кустарником, что при полнейшем отсутствии дорог я нашел благоразумным не брать с собою своих фургонов и отправился пешком. Моими спутниками были туземец-метис по имени Сикаула, которого обыкновенно звали Скаулем, зулусский предводитель Садуко и негр по имени Умбези, в крале¹ которого, в горах, я оставил свой фургон и нескольких своих людей со слоновой костью и другими местными товарами.

Этот Умбези был полный, здоровый мужчина лет шестидесяти, очень жизнерадостный, и, что редко бывает среди негров, он любил охоту как спорт, а не как промысел. Зная эту его склонность и его искусство находить дичь, я обещал подарить ему ружье, если он согласится сопровождать меня и приведет с собою еще несколько охотников. У меня было одно плохое старое ружье, которое имело неприятную привычку стрелять при полувзведенном курке. Но даже после того, как я объяснил ему все недостатки ружья, он подпрыгнул от радости при этом предложении.

– О Макумазан (это было имя, данное мне туземцами и которое обозначало «Ночной Бдитель»), гораздо лучше иметь ружье, которое стреляет, когда этого не ожидаешь, чем вовсе не иметь ружья, и у тебя благородное сердце, что ты мне его обещаешь. Если у меня будет ружье белых людей, то на меня будут смотреть с почтением, и все, живущие между обеими реками, будут меня бояться.

---

¹ Краль – двор и хижина у готтентотов и кафров.

В то время, как он говорил, он взял в руки ружье, которое было заряжено. Я инстинктивно отошел в сторону. Ружье выстрелило и отбросило Умбези назад – это ружье сильно отдавало; пуля же оторвала край уха у одной из его жен. Женщина с воплем убежала в хижину.

– Это ничего не значит, – сказал Умбези, вставая и потирая плечо с горестным видом. – Хотел бы я, чтобы злой дух, сидящий в ружье, оторвал ей язык, а не ухо. Это вина самой Старой Коровы, которая всюду сует свой нос. Теперь ей будет о чем болтать с соседями, и на время она оставит меня в покое. Хорошо, что это не была Мамина, мне было бы жаль, если бы ее наружность пострадала.

– Кто это Мамина? – спросил я. – Твоя последняя жена?

– Нет, нет, Макумазан. Я хотел бы, чтобы она была моей женой, потому что тогда у меня была бы самая красивая жена во всей стране. Она моя дочь, но не от Старой Коровы. Ее мать умерла, когда она родилась, в ночь великой бури. Спроси Садуко, кто такая Мамина, – прибавил он с широкой усмешкой, приподнимая голову от ружья, которое он осматривал теперь с опаской, и кивая по направлению человека, который стоял позади его.

Я повернулся и в первый раз увидел Садуко, который сильно отличался от обычного типа туземцев.

Это был высокий, идеально сложенный молодой человек. Хотя его грудь была испещрена шрамами от копьевых ран, доказывающими, что он был воином, однако он не удостоился чести носить изикоко, то есть обруча из воска и полосок тростника, прикрепленного к волосам. Право ношения такого обруча дается только за особые заслуги и в более зрелом возрасте. Но лицо его поразило меня больше, чем его сложение и физическая сила. Это было бесспорно очень красивое лицо, почти вовсе не носившее черт негритянского типа. Он скорее напоминал темнокожего араба, и, вероятно, в его жилах и текла арабская кровь. Глаза были большие и вдумчивые, и видно было, что он получил некоторое образование.

– С добрым утром, Садуко, – сказал я, с любопытством разглядывая его. – Скажи мне, кто такая Мамина.

В виде приветствия он приподнял руку, и эта вежливость понравилась мне, так как, в конце концов, я был для него простым охотником.

– Инкузи², – произнес он приятным низким голосом, – разве ее отец не сказал тебе, что она его дочь?

– Да, – ответил весело старик Умбези, – но ее отец не сказал, – что Садуко ее возлюбленный или, вернее, хотел бы стать ее возлюбленным. Ты, Садуко, – продолжал он, погрозив ему своим толстым пальцем, – с ума сошел, что думаешь, что такая девушка, как Мамина, может принадлежать тебе. Если ты мне дашь сто голов скота, то тогда я, может быть, подумаю об этом. У тебя же нет и десяти, а Мамина моя старшая дочь и должна выйти за богатого человека.

– Она любит меня, Умбези, – ответил Садуко, глядя вниз, – а это больше значит, чем скот.

– Для тебя, может быть, Садуко, но не для меня. Я беден и хочу иметь побольше скота. Кроме того, – прибавил он, хитро взглянув на него, – разве ты так уверен, что Мамина любит тебя, хотя ты и такой красавец? Я так полагаю, что сердце ее никого не любит, кроме себя самой, и что в конце концов она послушается голоса своего ума, а не голоса сердца. Красавица Мамина не пожелает стать женой бедного человека и исполнять всякую грязную домашнюю работу. Но приведи мне сто голов скота, и мы тогда посмотрим, потому что, по правде сказать, если бы ты был богатым человеком, то я не пожелал бы никого другого в мужа моей дочери, разве только Макумазана, – сказал он, толкнув меня локтем. – Он возвеличил бы мой дом.

Во время этой речи Садуко беспокойно переминался с ноги на ногу. Мне показалось, что он считал правильной оценку Умбези характера его дочери. Но он только сказал:

– Скот можно приобрести.

---

² Инкузи – предводитель.

– Или украсть, – подсказал Умбези.

– Или захватить в виде добычи на войне, – поправил его Садуко. – Когда у меня будет сто голов скота, я напомню тебе твои слова, о Умбези.

– А чем ты тогда будешь жить, дурень, если отдашь мне весь свой скот? Нет, нет, перестань говорить глупости. Раньше, чем у тебя будет сто голов скота, у Мамины будет шестеро детей, и будь уверен, они тебя не будут звать отцом. Ах, это тебе не нравится! Ты уходишь?

– Да, я ухожу, – ответил Садуко, и его спокойные глаза вспыхнули. – Только уж смотри, чтобы человек, которого они будут звать отцом, остерегался Садуко.

– Остерегайся лучше своих слов, молокосос, – сказал Умбези серьезным тоном. – Ты хочешь пойти по дороге твоего отца? Надеюсь, что нет, потому что я люблю тебя. Но такие слова не забываются.

Садуко вышел, делая вид, что не слышит.

– Кто он? – спросил я.

– Он высокого происхождения, – коротко ответил Умбези. – Он был бы теперь великим предводителем, если бы отец его не был заговорщиком. Дингаан пронюхал его. – Умбези сделал боковое движение рукой, имеющее большое значение среди зулусов. – Они все были убиты: сам предводитель, его жены, его дети и все его родные – все, за исключением его брата Тшоца и его сына. Садуко, которого приютил у себя старый карлик Зикали, самый известный ниянга³ в нашей стране. Но лучше об этом страшном деле не говорить, – прибавил он, вздрогнув. – Идем, Макумазан, и полечи мою Старую Корову, а то она не даст мне покоя несколько месяцев.

И я пошел осматривать Старую Корову – не потому, что чувствовал к ней особое сострадание, так как, по правде сказать, она была очень неприятной старухой. Это была брошенная жена какого-то предводителя, на которой в незапамятные времена женился хитрый Умбези из политических соображений. Я пошел к ней в надежде услышать что-нибудь о Мамине, которой я заинтересовался.

Войдя в хижину, я нашел женщину, прозванную Старой Коровой, в плачевном состоянии. Она лежала на полу, запятнанная кровью, вытекавшей из ее раны, окруженная толпой женщин и детей. Через определенные промежутки она испускала страшный вопль и объявляла, что умирает, после чего все присутствовавшие тоже начинали вопить. Короче говоря, это был ад кромешный.

Попросив Умбези очистить хижину от посторонних, я отправился за лекарствами. Тем временем я приказал своему слуге Скаулю обмыть рану. Скауль выглядел очень забавно, с светло-желтым оттенком кожи, так как в нем была сильная примесь готтентотской крови. Вернувшись десять минут спустя от своего фургона, я услышал еще более ужасающие вопли, хотя хор вопивших стоял теперь вокруг хижины. В этом не было ничего удивительного, так как, войдя в хижину, я застал Скауля, подправлявшего ухо Старой Коровы тупыми ножницами.

– О Макумазан, – проговорил Умбези хриплым шепотом, – не лучше ли, может быть, оставить ее в покое? Если она истечет кровью, то, во всяком случае, она станет спокойнее.

– Человек ты или гиена? – накинулся я на него и принялся за дело, заставив Скауля придерживать между коленями голову несчастной женщины.

Наконец все было кончено. Я проделал простую операцию – прижег ей ухо сильным раствором ляписа.

– Вот, мать, – сказал я, оставшись с ней наедине в хижине, так как Скауль убежал, укушенный Старой Коровой в ногу, – теперь ты не умрешь.

– Нет, гадкий ты белый человек, – зарыдала она, – я не умру, но что стало с моей красотой!

---

³ Ниянга – знахарь у зулусов, лечащий травами и заговорами.

– Ты станешь еще красивее, чем когда-либо, – ответил я. – Ни одна женщина не будет иметь уха с таким изгибом. Но, кстати, скажи мне, где Мамина?

– Я не знаю, где она, – сказала она со злобой, – но я отлично знаю, где бы она была, если бы на то была моя воля. Это она, эта скверная девчонка, – тут она прибавила несколько сочных эпитетов, которых я не хочу повторять, – навлекла на меня это несчастье. Мы слегка с ней поссорились вчера, и так как она колдунья, то она напророчила мне беду. Да, когда я случайно оцарапала ей ухо, она сказала, что скоро мое ухо будет сожжено, и вот теперь оно действительно горит, как в огне.

Это было несомненно верно, так как ляпис начал оказывать свое действие.

– Ох, белый дьявол, – застонала она, – ты околдовал меня, ты наполнил мою голову огнем.

Затем она схватила глиняный горшок и швырнула его в меня со словами:

– Вот тебе плата за твое лечение! Ступай, ползи за Маминой, как другие, и пусть она полечит тебя.

В это время я уже наполовину вылез через отверстие хижины. Котелок с горячей водой, брошенный мне вслед, заставил меня поспешить.

– Что случилось, Макумазан? – спросил Умбези, ожидавший меня снаружи.

– Ровно ничего, мой друг, – ответил я с лукавой улыбкой. – Твоя жена хочет только тебя немедленно видеть. Ей больно, и она желает, чтобы ты утешил ее. Войди, не мешкай.

После минутного раздумья он вошел, то есть половина его туловища влезла в хижину. Затем послышался страшный треск, и он снова вынырнул с ободком горшка вокруг шеи и с лицом, обмазанным медом.

– Где Мамина? – спросил я его, когда он уселся, отплевываясь.

– Там, где я желал бы быть теперь, – ответил он едва разборчиво. – В одном крале, в пяти днях пути отсюда.

В эту ночь, когда я сидел под брезентом, прикрепленным к фургону, и курил трубку, со смехом вспоминая приключение со Старой Коровой и интересуясь узнать, удалось ли Умбези счистить мед с лица, брезент зашевелился и под него в фургон прополз какой-то негр и уселся на корточках передо мной.

– Кто ты? – спросил я, потому что было так темно, что я не мог разглядеть лица человека.

– Инкузи, – ответил низкий голос, – я Садуко.

– Добро пожаловать, – ответил я, подавая ему, в знак гостеприимства, кисет с нюхательным табаком. Затем я подождал, пока он насыпал себе табак на ладонь и втянул его в нос.

– Инкузи, – сказал он, обтерев слезы, выступившие от табака, – я пришел попросить тебя об одной милости. Ты слышал, как Умбези сегодня говорил, что он отдаст мне свою дочь Мамину только в том случае, если я ему достану сто голов скота. Но у меня нет ничего, а заработать их я не смогу, даже проработав многие годы. Поэтому я должен захватить их от одного племени, которое, я знаю, ведет войну с зулусами. Но я могу захватить скот только в том случае, если у меня будет ружье. Инкузи, если у меня будет хорошее ружье – такое, которое стреляет, когда нужно, а не по своему желанию, то я могу уговорить некоторых друзей помочь мне в моем предприятии.

– Как я понимаю, ты хочешь, чтобы я ни за что ни про что подарил тебе одну из моих лучших двустволок, которая стоит не менее двенадцати быков? – спросил я удивленным тоном.

– Не совсем так, Макумазан, – ответил он, – я никогда не посмел бы сделать тебе такое невыгодное предложение.

Он замолчал, взял еще щепотку табаку, а затем продолжал задумчивым тоном:

– Там, где я предполагаю добыть эти сто голов скота, имеется его гораздо больше. Мне сказали, что там вообще не менее тысячи голов. Инкузи, – прибавил он, искоса взглянув на меня, – положим, ты дашь мне ружье, о котором я тебя прошу, и, положим, что ты отправишься

вместе со мной с твоим собственным ружьем и с вооруженными охотниками, тогда по справедливости ты получишь половину скота. Не так ли?

– Недурно, – сказал я. – Значит, ты хочешь сделать из меня вора. Я украду скот, а Панда перережет мне глотку за то, что я нарушил мир в его стране. Ты этого хочешь?

– Нет, Макумазан. Это мой собственный скот. Слушай, что я тебе расскажу. Ты слышал о Мативане, предводителе амангванов?

– Да, – ответил я. – Его племя жило у верховья Умэиниати, если я не ошибаюсь. Затем они были разбиты бурами или англичанами, и Мативани перешел к зулусам. Но затем Дингаан смел его племя с лица земли со всем его родом, и теперь весь его народ рассеян.

– Да, его народ рассеян, но род его продолжает жить. Макумазан, я один из представителей этого рода, я единственный сын главной его жены, так как Зикали Мудрый, принадлежавший к племени амангванов, спас и укрыл меня. Он ненавидел правителей зулусов Чаку и Дингаана и их отца Сензангакону, но никто из них не посмел убить Зикали, древнего ниянгу, потому что он могущественнее всех людей.

– Если он так могуществен, то почему же он не спас твоего отца, Садуко? – спросил я, не показывая вида, что я уже раньше слышал о Зикали.

– Не могу сказать, Макумазан. Во всяком случае, вот как все произошло. Бангу, предводитель амакобов, нашептал Дингаану, что мой отец Мативани был будто бы колдуном, а также, что у него были будто бы большие богатства. Дингаан поверил его словам и подумал, что болезнь, которой он страдал, напущена колдовством моего отца. Он сказал: «Ступай, Бангу, возьми с собой людей и отправься в гости к Мативани, а ночью, о, ночью... Потом мы разделим с тобой скот, потому что Мативани силен и умен и ты не должен даром рисковать своей жизнью».

Садуко замолчал и, в тяжелом раздумье, уставился глазами в землю.

– Да, Макумазан, – сказал он, наконец, – злодейство было совершено. Они пользовались гостеприимством моего отца, они передали ему подарок от Дингаана и восхваляли его. Да, Бангу поделился с ним щепоткой табаку и называл его братом. А затем ночью, о, ночью...

– Мой отец был в хижине с моей матерью, и я, не выше этого, – он показал рукой рост десятилетнего мальчика, – был с ними. На дворе раздались крики, показалось пламя. Отец выглянул из хижины и понял, в чем дело. «Проломай изгородь и беги, жена, – сказал он. – Беги с Садуко, чтобы он остался в живых и отомстил за меня. Ступай, пока я буду защищать ворота. Ступай к Зикали, он поможет вам».

Затем он поцеловал меня в лоб, сказал мне только одно слово: «Помни!» – и вытолкнул нас из хижины.

Моя мать стала пробиваться сквозь изгородь, она рвала ее зубами и ногтями, как гиена. Стоя в тени, я оглянулся назад и увидел моего отца Мативани, сражавшегося, как буйвол. Люди валились от его ударов, хотя у него не было щита, только одно копьё. Затем Бангу подкрался к нему сзади и ударил его в спину, и он взмахнул руками и упал. Больше я ничего не видал, так как мы в это время пробивались сквозь изгородь. Мы побежали, но нас заметили. Они устроили погоню и охотились за нами, как дикие собаки охотятся за кабаном. Они метнули в мою мать копьё и убили ее. Копьё вошло в ее спину и вышло из сердца. Я обезумел, вытащил копьё из ее тела и побежал навстречу врагам. Я нырнул под щит первого воина, очень высокого человека, и держал копьё вот так, обеими своими маленькими руками. Он всей тяжестью навалился на острие, и оно проткнуло его насквозь. Он упал мертвый, и рукоятка копья сломалась, ударившись об землю, остальные в изумлении остановились, потому что они никогда не видели такого подвига. Что ребенок мог убить высокого воина, этого еще никогда никто не видал. Некоторые из них хотели дать мне возможность уйти, но в это время подошел Бангу и узнал в убитом своего брата.

– У! – закричал он, узнав, кто убил брата. – Этот щенок тоже, значит, колдун, иначе как бы он мог убить воина, сражавшегося не раз на войне? Держите его за руки, пока я прикончу его!

Двое воинов взяли меня за руки, и Бангу подошел ко мне с копьём...

Садуко остановился, его голос прервался от волнения. Он тяжело дышал, пот лился градом, и судороги сводили его мускулы. Я дал ему кружку воды. Он выпил и продолжал:

– Копье уже оцарапало мне грудь... Смотри, вот здесь остался шрам. – И он указал на белую полоску, как раз под грудной клеткой. – Как вдруг между мной и Бангу встала странная тень, отброшенная пламенем горящих хижин, тень, напоминавшая стоящую на задних ногах жабу. Я оглянулся и увидел, что это была тень Зикали, которого я до этого видал один или два раза. Не знаю, откуда он появился, но он стоял, потрясая своей большой седой головой, сидевшей на его плечах, как тыква, и, вращая своими глазищами, насмешливо хохотал.

– Веселенькое дельце, нечего сказать! – воскликнул он, и громкий голос его прозвучал, как плеск воды в пустой пещере. – Веселенькое дельце, о Бангу, предводитель амакобов! Кровь, кровь, сколько крови!.. Огонь, огонь, сколько огня!.. Я много видел на своем веку разных дел – например, в крале твоей бабки, великой Инкозикази, когда я сам еле спасся от смерти, однако такого дела, как настоящее, я не припомню. Но скажи мне, великий предводитель Бангу, любимец сына Сензангаконы, что значит это? А? – И он указал на меня и на двух воинов, державших меня за руки.

– Я убиваю этого щенка, Зикали, вот и все, – ответил Бангу.

– Вижу, вижу, – засмеялся Зикали. – Доблестный подвиг! Ты заколол отца и мать, а теперь хочешь заколоть ребенка, который убил одного из твоих воинов в честном бою. Очень доблестный подвиг, достойный предводителя амакобов! Хорошо, убей его!.. Только...

Он остановился и взял щепотку табаку из коробочки, которую вынул из разреза в мочке уха.

– Что только? – спросил Бангу.

– Только мне интересно, Бангу, как тебе понравится тот мир, в котором ты очутишься прежде, чем взойдет завтрашняя луна. Вернись тогда обратно, Бангу, и расскажи мне, потому что под солнцем много миров и я хотел бы наверняка знать, в какой мир попадают такие люди, как ты, которые из ненависти и ради наживы убивают отца и мать и затем закалывают ребенка, поразившего взрослого воина копьём, еще обогранным материнской кровью.

– Ты хочешь сказать, что я умру, если убью этого мальчишку? – заорал Бангу громовым голосом.

– А что же иначе? – спокойно ответил Зикали, беря другую щепотку табаку.

– Так вот что, колдун! Мы отправимся в тот мир с тобою вместе!

– Хорошо, хорошо, – засмеялся карлик. – Отправимся вместе. Я давно желаю умереть и не могу найти себе лучшего спутника, как Бангу, предводителя амакобов и убийцу детей. Идем, храбрый Бангу, идем! Убей меня, если твоя рука подыметя на старого Зикали. – И он снова засмеялся ему в лицо.

– Тогда, Макумазан, воины Бангу отступили, потому что они испугались странного карлика. Даже державшие меня за руки отпустили меня.

– Что случится со мною, Зикали, если я пощажу мальчика? – спросил Бангу.

Зикали протянул руку и дотронулся до царапины, нанесенной мне копьём. Он поднял свой палец, покрасневший от моей крови, и пристально посмотрел на него при свете луны; затем он языком попробовал кровь.

– Вот что случится с тобою, Бангу, – сказал он. – Если ты пощадишь мальчика, то он вырастет, сделается взрослым и убьет когда-нибудь тебя и твоих родных. Но если ты не пощадишь его, то, я думаю, завтра же ты будешь мертв. Таким образом, весь вопрос в том, хочешь

ли ты еще пожить некоторое время или хочешь умереть сразу, захватив и меня с собою в качестве спутника. Потому что ты не должен оставлять меня здесь, Бангу.

Банту молча повернулся и ушел, перешагнув через труп моей матери, а за ним ушли все его воины, так что вскоре Зикали Мудрый и я остались одни.

– Что? Они ушли? – сказал Зикали, подняв глаза. – В таком случае и нам лучше уходить, сын Мативани, а то он может еще передумать и вернуться. Живи, сын Мативани, чтобы отомстить когда-нибудь за отца.

– Интересная история, – сказал я. – Но что случилось потом?

– Зикали взял меня с собой и воспитывал меня в своем крале, в Черном ущелье, где он жил один со своими слугами, потому что он не разрешал ни одной женщине переступить порога своей хижины. Он научил меня многому, и ознакомил меня со многими тайнами, и сделал бы из меня великого знахаря, если бы я этого пожелал. Но я не захотел этого, Макумазан. Зикали мне однажды сказал: «Я вижу перед тобою две дороги, Садуко: дорогу мудрости – это дорога мира, и дорогу безумия – это дорога войны. Я вижу тебя, идущего по дороге мудрости (это и моя дорога, Садуко), и вижу, как ты становишься мудрым и великим, пока, наконец, не достигнешь глубокой старости и, окруженный почестями и уважением всех людей, незаметно исчезнешь в туманной дали. Но только по этой дороге ты должен идти совершенно один, потому что друзья, а в особенности женщины, отвлекут тебя от твоей цели... А затем я вижу другую дорогу – дорогу безумия – и вижу тебя, Садуко, идущего по этой дороге. Ноги твои покраснели от крови, и женщины обвивают руками твою шею, и один за другим погибают твои враги. Ты много грешишь ради любви, и та, ради которой ты грешишь, приходит, и уходит, и снова приходит. И дорога эта короткая, Садуко, и конец ее близок, но я не вижу, каков конец твоего пути. Теперь выбирай, по какой дороге ты хочешь идти, сын Мативани, и выбирай скорее, потому что больше об этих вещах я говорить не буду». Тогда, Макумазан, я подумал о безопасной, но одинокой дороге мудрости, подумал о кровавой дороге безумия, где я найду любовь и войну, и молодость заговорила во мне, и я выбрал дорогу, где была любовь и война и неизвестная смерть.

– Если предположить, что в этой притче о двух дорогах есть доля правды, то выбор твой был очень неразумен, Садуко.

– Нет, Макумазан, это был мудрый выбор, потому что из-за этого я увидел Мамину и знаю, почему я выбрал эту дорогу.

– Ах, да, – сказал я. – Мамина... я и забыл о ней. Может быть, ты и не так прав. Я смогу судить об этом, когда увижу Мамину.

– Когда ты увидишь Мамину, Макумазан, ты скажешь, что я был прав. Зикали Мудрый громко засмеялся, услышав о моем выборе. «Вол ищет жирное пастбище, – сказал он, – но молодой бык ищет скудные склоны гор, где пасутся телки, но, в конце концов, бык лучше вола! Иди по своей дороге, сын Мативани, и время от времени возвращайся в Черное ущелье и рассказывай мне, как идут твои дела. Я обещаю тебе, что не умру, прежде чем узнаю, каков будет твой конец». Вот, Макумазан, я сказал тебе о таких вещах, которые до этого времени были известны только мне одному. И Бангу теперь в немилости у Панды, которому он не хочет подчиниться, и мне дали обещание – все равно как, – что тот, кто убьет Бангу, не будет привлечен к ответственности и может взять себе его скот. Пойдешь ли ты со мною, Макумазан, и разделишь ли со мною его скот?

– Не знаю, – сказал я. – Если твоя история правдивая, то я не откажусь помочь тебе убить Бангу, но я сперва должен разузнать об этом деле подробнее. А пока я завтра отправлюсь на охоту с толстяком Умбези. Но ты нравишься мне, Садуко. Хочешь сопутствовать мне и заработать двуствольное ружье?

– Инкузи – сказал он, с вспыхнувшими от радости глазами, – ты щедр и оказываешь мне большую честь. Что мог бы я желать больше? Но, – прибавил он, и лицо его омрачилось, – сперва я должен спросить Зикали Мудрого, Зикали, моего приемного отца.

– Вот как! – сказал я. – Так ты, значит, все еще привязан к поясу нянги?

– Нет, Макумазан, но я обещал ему ничего не предпринимать, не посоветовавшись с ним.

– Как далеко живет отсюда Зикали? – спросил я.

– До него один день пути. Если я выйду при восходе солнца, то я могу быть там к закату.

– Хорошо. Тогда я отложу охоту на три дня и пойду с тобою, если ты думаешь, что Зикали примет меня.

– Я думаю, он примет тебя, Макумазан, потому что он мне сказал, что я встречу и полюблю тебя и что ты будешь вплетен в мою жизнь.

– Этот Зикали насыпал тебе в кружку пива дурмана, – ответил я. – Что же, ты всю ночь будешь мне рассказывать такие глупости, когда нужно завтра же отправиться на рассвете? Ступай и дай мне спать.

– Я иду, – ответил он с улыбкой. – Но если это так, Макумазан, то почему же ты тоже хочешь испробовать дурмана Зикали? – И он ушел, не дождавшись ответа.

Но в эту ночь я спал довольно скверно, потому что странная и страшная история Садуко овладела моим воображением. У меня были тоже свои причины, почему я желал видеть этого Зикали, о котором я так много слышал еще в прежние годы. Я хотел разузнать, был ли этот карлик обыкновенным шарлатаном, как все знахари и колдуны; кроме того, он мог мне рассказать более подробно о Бангу, к которому я почувствовал сильную антипатию, может быть, совершенно неосновательную. Но более всего я желал видеть Мамину, чья красота произвела такое сильное впечатление на туземца Садуко. Может быть, за тот промежуток времени, когда я отправлюсь к Зикали, она вернется обратно в дом своего отца, и я ее увижу до того, как отправиться на охоту.

Глава II. Дурман знахаря

На следующее утро я проснулся, как это делают всегда хорошие охотники, очень рано. Выглянув из фургона, я ничего не видел, кроме серого луча света, отраженного от рогов привязанных волов. Вскоре, однако, сверкнул еще луч света, и я догадался, что это блеснуло копье Садуко, сидевшего у потухшего костра и закутанного в плащ из шкур диких кошек. Сойдя с фургона, я тихо подошел к нему сзади и дотронулся до его плеча. Он вскочил и сильно вздрогнул, что доказывало его нервность. Но, узнав меня, сказал:

– Ты рано встаешь, Макумазан.

– Конечно, – ответил я. – Недаром меня называют Ночным Бдителем. Пойдем к Умбези и скажем ему, что я хочу отправиться с ним на охоту послезавтра на рассвете.

Мы пошли с Садуко и нашли Умбези еще спящим в хижине со своей последней женой. Я не желал ему мешать. К счастью, около хижины мы нашли Старую Корову, которая не могла спать из-за своего больного уха. Этикет не разрешал ей входить в хижину, и она ждала снаружи, когда выйдет муж, вероятно, чтобы накинуться на него с бранью.

Осмотрев ее рану и втерев в нее мазь, я попросил ее передать Умбези, что охота откладывается на два дня. Затем я разбудил своего слугу Скауля и сказал ему, что отправляюсь в короткое путешествие, и приказал ему сторожить мои вещи до моего возвращения. Я наскоро выпил рюмку рому и приготовил пакет с вяленным мясом и бисквитами.

Затем, захватив с собой одноствольное ружье, мы отправились в путь пешком, так как я не хотел рисковать своей единственной лошастью.

И я поступил хорошо, так как путешествие действительно оказалось очень затруднительным. Путь лежал через ряд обросших кустарником холмов, гребни которых были покрыты острыми камнями, по которым ни одна лошадь не могла бы пройти. Мы то поднимались на эти холмы, то спускались с них, то шли через долины, разделявшие их, следуя по какой-то тропинке, которую я так и не мог разглядеть во весь этот долгий день. Я всегда считался хорошим ходоком, так как по природе очень легок и подвижен, но я должен сказать, что мой спутник переоценил мои способности. Час за часом шел он впереди меня таким шагом, что я принужден был иногда бежать, чтобы не отстать от него. Гордость не позволяла мне жаловаться, но я был очень доволен, когда к вечеру Садуко сел на камень на вершине холма и сказал:

– Посмотри на Черное ущелье, Макумазан. – Это были почти первые слова, которые он произнес с тех пор, как мы отправились в путь.

Нужно сознаться, местность была названа метко, потому что это было одно из самых мрачных мест, которое я когда-либо видел. Это была огромная расщелина, прорытая водой в горе в незапамятные доисторические времена. Гранитные глыбы были фантастически нагромождены в ней, наваленные одна на другую, образуя высокие колонны. По склонам ее росли темные деревья, редко рассеянные среди скал. Расщелина была обращена лицом к западу, но свет заходящего солнца, наводнявший ее, только еще больше подчеркивал ее пустынную и обширность, так как это была огромная расщелина шириною в некоторых местах чуть ли не в километр.

Мы зашагали по этому мрачному ущелью, сопровождаемые насмешливой болтовней павианов, следуя по маленькой тропке, которая привела нас наконец к большой хижине и к ряду более маленьких. Хижины были окружены тростниковой изгородью, и над ними свисала гигантская глыба скалы, которая, казалось, могла упасть в любую минуту.

Из ворот изгороди выскочили внезапно два туземца неизвестно какого племени, но свирепой и угрожающей наружности, и замахнулись на меня своими копьями.

– Кого ты привел сюда, Садуко? – спросил один из них строго.

– Белого человека, за которого я ручаюсь, – ответил Садуко. – Скажите Зикали, что мы его хотим видеть.

– Если ты за него ручаешься, – ответил часовой, – то войди с ним вот в ту хижину. Там найдется пища для тебя и твоего спутника.

Хижина была очень чистая, а табуреты и утварь были из красного дерева с красивой резьбой. Все это, как сообщил мне Садуко, было сделано собственными руками Зикали. Как раз когда мы кончали ужин, явился негр и передал нам, что Зикали нас ожидает. Мы последовали за ним через открытую площадку в калитке, находившейся в высокой тростниковой изгороди, и, пройдя эту калитку, я в первый раз увидел перед собою знаменитого старого знахаря, о котором рассказывалось так много небылиц.

Несомненно, он выглядел очень странно в этой необыкновенной обстановке, и я думаю, что именно простота ее усиливала эффект. Перед нами был небольшой дворик с черным полом из утоптанной муравьиной кучи, смешанной с коровьим навозом. Огромная свешивающаяся глыба скалы служила как бы крышей этому двору, и свод ее возвышался не менее чем на шестьдесят или семьдесят метров над землей. В эту большую пещеру вливался ярко-красный свет заходящего солнца, окрашивая все внутри, даже большую соломенную хижину на заднем фоне, в кровавый цвет. Увидя изумительный эффект солнечного заката в этом мрачном и зловещем месте, я сразу подумал, что старый знахарь с умыслом выбрал это время для нашего приема, чтобы произвести на нас впечатление.

Но я забыл про обстановку, когда увидел самого старика. Он сидел на табурете перед своей хижинкой совершенно один. На нем был только плащ из шкуры леопарда, открытый спереди, и не было никаких украшений, какие носят обыкновенно знахари, вроде змеиных кож, человеческих костей, ладанок с разными зельями и т. п.

Наружность его была необыкновенная. Телосложением своим он напоминал упитанного ребенка. Голова была огромная, и седые, заплетенные в косички волосы спадали до самых плеч. Лицо его было широкое, очень строгое, с глубоко ввалившимися глазами. Несмотря на свои белоснежные волосы, он не выглядел, однако, старым, так как тело его было крепкое и упругое и не было видно морщин на щеках и шее. Поэтому я подумал, что слухи о его необыкновенной старости преувеличены. Человек, которому, как говорили, свыше ста лет, конечно, не мог иметь таких изумительных зубов, так как я даже на сравнительно далеком расстоянии видел, как они сверкали. С другой стороны, было очевидно, что он явно перешагнул за средний возраст, но по его наружности даже приблизительно нельзя было определить, сколько ему лет. Он сидел, освещенный красным светом заходящего солнца, совершенно неподвижно и смотрел, не мигая, на огненный диск. Говорят, только орел может так смотреть на солнце.

Садуко подошел, и я последовал за ним. Я небольшого роста и никогда не считал своей наружности внушительной, но таким незначительным, как в настоящем случае, я никогда себя не чувствовал. Высокий, красивый туземец, за которым я шел следом, мрачное величие окружающей обстановки с ее кроваво-красным освещением, торжественная, одинокая маленькая фигура передо мной с отпечатком мудрости на лице – все это невольно вызывало самоунижение.

Я в душе пожалел, что из любопытства пожелал видеть этого странного человека, но отступить было поздно. Садуко уже стоял перед карликом и, подняв правую руку над головой, приветствовал его. Почувствовав, что от меня тоже чего-то ожидают, я снял свою потрепанную шляпу и поклонился.

Казалось, знахарь только теперь заметил наше присутствие. Он отвел глаза от заходящего солнца и оглядел нас долгим, вдумчивым взглядом.

– Привет тебе, сын Садуко, – сказал он низким, внушительным голосом. – Почему ты так скоро вернулся и почему ты привел с собою эту белую блоху?

Этого я не мог вынести и, не дожидаясь ответа моего спутника, вмешался:

– Ты дал мне жалкое прозвище, о Зикали. Что бы ты подумал обо мне, если бы я тебя прозвал тараканом?

– Я счел бы тебя умным, – ответил он, – потому что я, действительно, должно быть, похож на таракана с большой головой. Но почему ты обижаешься на мое сравнение с блохой? Блоха работает ночью, как и ты, Макумазан; блоха очень подвижная, как и ты; блоху трудно поймать и убить, как и тебя, и, наконец, блоха напивается досыта кровью людей и животных, и ты так же делал, делаешь и будешь делать.

И он залился громким смехом, который раскатился под скалистым навесом и отозвался эхом. В то время, как я искал ответа в том же духе и как назло не мог в эту минуту найти его, он вдруг перестал смеяться и продолжал:

– Не будем терять драгоценного времени на шутки, потому что на долю каждого из нас его осталось немного. Какое у тебя дело, Садуко?

– Этот белый инкузи, – сказал Садуко, – предложил мне взять меня с собою на охоту и дать мне двуствольное ружье в уплату за мои услуги. Но я сказал ему, что не могу ничего предпринять без твоего совета, и он пришел узнать, дашь ли ты мне разрешение, отец мой.

– Ты думаешь, – ответил карлик, кивнув своей огромной головой, – что этот белый человек совершил длинное путешествие под палящим солнцем, чтобы спросить меня, может ли он подарить тебе ружье большой ценности за услугу, которую всякий молодой зулус в твоём возрасте охотно оказал бы ему даром? Нет, белый человек пришел потому, что он хотел видеть того, о ком он много слышал. Он хотел удостовериться, обладаю ли я действительно той мудростью, которую мне приписывают, или же я обманщик. А ты пришел узнать, принесет ли тебе счастье дружба с ним и поможет ли он тебе в предприятии, которое у тебя на уме.

– Ты верно угадал, Зикали, – сказал я, – по крайней мере в той части, которая касается меня.

Садуко ничего не ответил.

– Хорошо, – продолжал карлик, – я сегодня в хорошем настроении и отвечу на оба ваши вопроса.

Он ударил в ладоши, и слуга – один из тех свирепых сторожей, которые остановили нас у ворот – появился из глубины хижины.

– Разведи два костра, – сказал Зикали, – и дай мне мое снадобье. Слуга принес хворост, который он разложил двумя кучками перед Зикали. Затем он зажег их головешкой, принесенной из-за хижины, и подал Зикали мешок из кошачьей шкурки.

– Удались, – сказал Зикали слуге, – и не возвращайся, пока я тебя не позову. Если же, однако, я умру, то похорони меня в известном тебе месте и дай этому белому человеку пропуск для беспрепятственного выхода из моего краля.

Слуга поклонился и молча вышел.

После его ухода карлик вытащил из мешка связку перекрученных корешков, а также несколько агатовых камешков и выбрал из них два: один – белый, другой – черный.

– В этот камень, – сказал он, подняв белый агат к свету, – войдет твой дух, Макумазан. А в этот, – и он поднял черный агат, – войдет твой дух, сын Мативани.

Я с недоверием посмотрел на старого колдуна.

– Ты, конечно, считаешь меня старым обманщиком, но смотри, что будет дальше. Твой дух поднимается из тела и душит твою глотку, как это сделал бы этот маленький камушек, если бы ты его проглотил.

Я старался протестовать, но не мог произнести ни слова. Вероятно, я поддался внушению и, действительно, почувствовал, будто камень застрял в моей глотке. Это нервы, подумал я, результат переутомления. И так как я не мог произнести ни слова, то сидел неподвижно, с недоверчивой усмешкой на устах.

– Теперь, – продолжал карлик, – может быть, вам покажется, что я умру, но вы не трогайте меня, иначе вы сами можете умереть.

В то время, как он говорил, он бросил по большой щепотке корешков, о которых я упомянул, в оба костра, и немедленно из них взметнулись высокие языки пламени, какие-то злоеющие языки, которые сменились столбами густого белого дыма с таким сильным едким запахом, какого мне никогда не приходилось встречать. Казалось, этот запах пропитал меня насквозь, а проклятый камень в горле сделался величиною с яблоко.

Затем Зикали бросил белый агат в правый костер, против которого я сидел, и проговорил:

– Войди, Макумазан, и смотри.

А черный агат он бросил в левый костер и сказал:

– Войди, сын Мативани, и смотри.

Так морочил нас старый знахарь, а мы невольно поддавались его внушению. Я чувствовал какую-то странную пустоту, будто я был не я. Все эти ощущения, несомненно, были вызваны сильным запахом горящих корней. Однако, вероятно, я сохранил способность видеть и наблюдать, потому что я ясно видел, как Зикали сунул свою голову сперва в дым моего костра, а затем в костер Садуко, потом он откинулся назад, выпуская дым облаками изо рта и ноздрей. Затем я увидел, как он упал на один бок и остался лежать неподвижно с распростертыми руками.

В таком положении Зикали пролежал очень долго, и я начал думать, не умер ли он на самом деле. Но в этот вечер я не мог сосредоточить своих мыслей на Зикали или на чем-нибудь определенном. Я просто машинально отмечал все эти факты, как делает это человек, не имеющий к ним никакого отношения. Они меня несколько не интересовали, потому что во мне было какое-то полное ко всему безразличие и у меня было ощущение, что я не здесь, а где-нибудь в другом месте.

И все происходило как во сне. Солнце село, не оставив даже после себя отблеска. Единственный свет исходил от тлеющих костров, и его было как раз достаточно, чтобы освещать фигуру Зикали, лежавшего на боку и напоминавшего своей неуклюжей формой мертвого теленка гиппопотама. Вся эта история начинала мне страшно надоедать, ощущение пустоты становилось невыносимым.

Наконец карлик зашевелился. Он присел, зевнул, чихнул, встряхнулся и стал шарить голый рукой в горячих угольках моего костра. Вскоре он нашел белый камень, который был раскален докрасна (по крайней мере таким он казался при свете костра), и, внимательно осмотрев его, сунул его себе в рот. Затем он выискал в другом костре черный камень и поступил с ним таким же образом. Потом мне осталось в памяти, что костры, совершенно уже догоревшие, снова ярко вспыхнули. Я предполагаю, что он незаметно подложил в них топлива. И Зикали опять заговорил.

– Подойдите сюда, Макумазан и сын Мативани, – сказал он, – и слушайте, что я вам скажу.

Мы подошли к кострам, которые горели необычайно ярко. Затем он выплюнул изо рта на руку белый камень и я заметил, что камень был покрыт линиями и пятнышками, как птичьи яйца.

– Ты не можешь растолковать эти знаки? – спросил он, держа передо мною камень, и, когда я покачал головой, он продолжал: – А я могу прочесть их так, как вы, белые, читаете ваши книги. Вся твоя прошедшая жизнь написана здесь, Макумазан, но нет необходимости рассказывать тебе ее, так как ты ее сам знаешь. Но здесь также написано и твое будущее, странное будущее. – И он с интересом стал осматривать камень. – Да, да, удивительная жизнь и славная смерть предстоят тебе. Но об этом ты меня не спрашивал, и поэтому я и не скажу ничего, да ты и не поверил бы мне. Ты меня спрашивал только о предстоящей охоте, и я говорю тебе: если ты благоразумен, то не ходи на охоту с Умбези – ты будешь на волоске от смерти, хотя все кончится благополучно.

Затем он выплюнул черный камень и посмотрел на него таким же образом.

– Твое предприятие будет успешно, сын Мативани, – сказал он. – Вместе с Макумазаном ты достанешь много скота ценою многих человеческих жизней. В остальном – но ведь ты меня об этом не спрашивал...

Мы сидели совершенно молча, пока карлик не прервал молчания громким жутким смехом.

– Это колдовство, конечно, – сказал он. – Ничего особенного, не правда ли? Почему ты не попросил меня предсказать тебе всю твою будущую жизнь, белый человек? Это тебе было бы интересно, но ты, конечно, ничему этому не веришь! Садуко, ступай спать! А ты, Макумазан, посиди со мной еще в моей хижине, и мы поговорим о других делах.

И он повел меня вовнутрь хижины, хорошо освещенной горящим посередине очагом, и предложил мне кафрское пиво, которое я выпил с удовольствием, так как горло мое пересохло.

– Скажи, кто ты? – спросил я прямо, когда уселся на низкий табурет и, прислонившись спиной к стене хижины, зажег свою трубку.

Он поднял свою большую голову с кучи шкур, на которой лежал, и посмотрел на меня.

– Меня зовут Зикали, что значит «оружие». Ты это знаешь, не правда ли? – ответил он. – Мой отец умер так давно, что его имя не имеет никакого значения. Я карлик, очень уродливый, с некоторым образованием, как мы, черные, его понимаем, и очень старый. Хотел бы ты еще что-нибудь знать?

– Да, Зикали. Сколько тебе лет?

– Ты знаешь, Макумазан, что мы, кафры, не умеем как следует считать. Сколько мне лет? Когда я был молод, я пришел в эту страну с Большой реки, которую вы, кажется, называете Замбези, с Уновандви, который в те дни жил на севере. Теперь это уже все забыли, потому что много времени протекло с тех пор, но если бы я умел писать, то описал бы историю этого похода и те великие битвы, в которых мы сражались с народом, жившим до нас в этой стране. Впоследствии стал другом отца зулусов, того, кого до сих пор зовут инкузи Ункулу (великий предводитель). Может быть, ты слышал о нем? Я соорудил специально для него этот табурет, на котором ты сейчас сидишь, он им пользовался до своей смерти, а потом табурет перешел опять ко мне.

– Инкузи! Ункулу! – воскликнул я недоверчиво. – Как же так? Говорят, он жил несколько сот лет тому назад.

– Неужели, Макумазан? Но ведь я тебе уже сказал, что мы, черные, не умеем так хорошо считать, как вы. Правда, мне кажется, что это было только вчера. Как бы то ни было, после его смерти зулусы стали очень плохо обращаться с нами и с теми племенами, которые пришли с нами с севера. И я поссорился с зулусами и в особенности с Чака, с тем, кого называли Ухланая (Безумцем). Видишь, Макумазан, ему нравилось высмеивать меня за то, что я не был похож на остальных людей. Он дал мне прозвище, которое значило «Тот, которому не следовало родиться». Я не хочу выговорить этого имени, это тайна, которая никогда не сойдет с моих уст. Но временами он обращался к моей мудрости, и я отплатил ему за его насмешки, я давал ему плохие советы, и он следовал им. Таким образом, я был причиной его гибели, хотя никто никогда не догадался о моем участии в этом деле. Но когда он умер от руки своих братьев Дингаана, Умлангана и Умбопы и тело его было выброшено из краля, как это делают с преступниками, я пошел ночью, сел у его трупа и громко смеялся. – Зикали залился своим жутким ужасным смехом. – Три раза я смеялся: один раз за моих жен, которых он отнял у меня; второй раз за моих детей, которых он убил, и третий раз за насмешливое прозвище, которое он мне дал. Затем я сделался советником Дингаана, которого я ненавидел еще больше, чем Чаку, потому что он был такой же, как Чака, но без его величия. И ты знаешь конец Дингаана, потому что ты сам принимал участие в этой войне, и конец Умлангана, его брата и соучастника в убийстве, которого я посоветовал Дингаану убить. Теперь правит зулусами Панда, последний

из сыновей моего врага Сензангакона. Панда глупец, но я щажу его, потому что он пытался спасти жизнь моего ребенка, которого убил Чака. Но у Панды есть сыновья, такие же, как Чака, и я орудую против них, как орудовал против тех, кто были до них.

– Почему? – спросил я.

– Почему? О, если бы я рассказал тебе всю свою жизнь, то ты понял бы почему, Макумазан. Может быть, я и расскажу ее тебе когда-нибудь.

– Я верю, – ответил я, – что Чака, Дингаан, Умлангана и прочие были нехорошие люди. Но почему ты мне все это рассказываешь, Зикали? Ведь если бы я только повторил это попугаю, то тебя схватили бы, и не успела бы взойти новая луна, как тебя не было бы в живых.

– Ты так полагаешь? В таком случае я удивляюсь, что меня не убили раньше. А рассказываю я это тебе, Макумазан, потому, что со времени Дингаана ты имел такое большое отношение к истории зулусов и я желал бы, чтобы кто-нибудь знал это и, может быть, записал бы, когда все будет кончено. Кроме того, я знаю, что ты умный и осторожный человек и что ты даже попугаю не передашь того, что слышал.

Я наклонился вперед и посмотрел на него.

– Но к какой конечной цели стремишься ты, Зикали? – спросил я. – Ты не из тех, кто попусту бьет палкой по воздуху. Кого ты хочешь ударить палкой?

– Кого? – прошипел он изменившимся глухим голосом. – Ну, конечно, этих гордых зулусов, этот маленький народ, который называет себя «небесным народом» и который проглатывает другие племена, как большая змея проглатывает козлят и поросят. Я из племени Ндванда, это одно из тех племен, к которым зулусы относятся с презрением и считают их паразитами и свиньями. Так вот я хочу, чтобы свиньи разорвали охотника. Если же это невозможно, то я хочу, чтобы черный охотник был побежден носорогом, белым носорогом твоей расы, Макумазан, даже если бы при этом пострадал тоже ндвандский кабан. Вот я все тебе сказал, и это и есть причина, почему я так долго живу. Я не хочу умереть, пока это не случится, а я знаю, что это должно случиться. И я, «Тот, кому не следовало родиться», продолжаю жить, пока не наступит этот день, а когда он наступит, то ты и я, Макумазан, будем находиться друг возле друга и вот почему я раскрыл тебе свою тайну. Я больше не буду говорить о том, что должно произойти. Может быть, я и так сказал слишком много. Однако не забудь мои слова или забудь их, если хочешь, а я напомню их тебе, Макумазан, в тот день, когда твой народ отомстит за ндвандов и за всех прочих, на которых зулусы смотрят как на навоз.

Станный карлик присел в возбуждении и стал трясти своими длинными седыми волосами, которые, как полагается знахарям, были заплетены в тонкие косички, пока они не свесились напоподобие вуали, скрыв его широкое лицо и глубоко ввалившиеся глаза. Затем он снова заговорил сквозь эту завесу.

– Ты удивляешься, Макумазан, какое отношение имеет Садуко к великим событиям, которые должны произойти. Я говорю тебе, что он наверное будет играть в них известную роль и для этой цели я спас его ребенком от Бангу и воспитал из него воина; он наверное убьет Бангу, который поссорился теперь с Пандой, и большое участие во всей этой истории, по всей вероятности, примет Мамина. Она сумеет вызвать войну между сыновьями Панды, и эта война повлечет за собой гибель зулусов, так как победитель окажется плохим правителем и навлечет на свой народ гнев более могучей расы. Таким образом «Тот, кому не следовало родиться» и ндванды и все другие племена, которых зулусы называют свиньями, будут отомщены.

– А что будет с Садуко, моим другом и твоим воспитанником?

– Садуко, твой друг и мой воспитанник, пойдет по назначенному ему пути, Макумазан, как ты и я. Чего большего может он желать, принимая во внимание, что он сам выбрал этот путь? Не старайся узнать большего. И к чему, раз время само раскроет, что произойдет? А теперь иди отдохнуть, Макумазан, и мне тоже нужен отдых, так как я стар и слаб. А когда тебе захочется снова меня повидать, мы поговорим об этом еще подробнее. Пока же помни,

что я только старый колдун, который делает вид, что знает больше других людей. А теперь спокойной ночи и не поминай меня лихом.

Глава III. Охота

Я хорошо спал в эту ночь, потому что устал как собака, но на следующий день, во время длинного обратного пути к кралю Умбези, я много раздумывал над теми странными вещами, которые я видел и слышал накануне.

Несколько часов мы шагали молча, и, наконец, молчание было прервано моим спутником.

– Ты все еще думаешь пойти на охоту с Умбези, инкузи? – спросил он. – Или ты боишься?

– Чего мне бояться? – спросил я резко. – Я этим предсказаниям не придаю никакого значения.

– Я все же опасаюсь за тебя, Макумазан, так как в случае, если ты будешь ранен, ты не сможешь пойти со мной забрать скот Бангу.

– Кажется, друг Садуко, ты думаешь только о своем благополучии, а не о моей безопасности, – заметил я насмешливо.

– Если бы это было так, как ты говоришь, Макумазан, разве стал бы я советовать тебе не идти на охоту, теряя таким образом хорошее двуствольное ружье, которое ты мне обещал. Хотя, правда, я охотно остался бы в крале Умбези с Маминой, в особенности в отсутствие Умбези.

Ввиду того, что нет ничего более неинтересного, как выслушивать любовные дела посторонних, и видя, что при малейшем поощрении Садуко готов был снова рассказать историю своих ухаживаний, я не поддерживал его разговора. Так молча мы и закончили наш путь и, прибыв в краль Умбези вскоре после заката солнца, с разочарованием убедились, что Мамины все еще не было.

На следующее утро мы отправились на охоту. Наша компания состояла из меня, моего слуги Скауля (который был, как я, кажется, уже говорил, наполовину готтентот), из Садуко, старого весельчака зулуса Умбези и из нескольких негров, служивших носильщиками и загонщиками. Охота вначале оказалась очень удачной, потому что в то время в этом районе было необычайно много зверья. Менее чем в две недели я убил четырех слонов, из них два были с огромными клыками, а Садуко, из которого скоро выработался хороший стрелок, пристрелил тоже слона из двуствольного ружья, которое я ему обещал. И даже Умбези – я никогда не мог узнать, каким образом, так как это граничило с чудом, – удалось убить слониху с красивыми клыками из старого ружья, которое стреляло при полувзведенном курке.

Никогда не видел я, чтобы человек – чернокожий или белый – был в таком восторге, как этот тщеславный кафр. Целыми часами он танцевал и пел, нюхал табак и делал приветственные жесты рукой, рассказывая мне несколько раз подряд историю своего подвига, причем ни одна версия не походила на другую. Он принял также новый титул, обозначающий «Гроза Слонов», и приказал одному из своих людей восхвалять его и величать всю ночь напролет, не дав нам сомкнуть глаз, пока, наконец, бедняга не свалился от усталости. Это было, действительно, очень забавно, пока не наскучило нам до смерти.

Кроме слонов, мы убили много других зверей, в том числе двух львов, трех белых носорогов, которые в настоящее время, увы, почти совсем вымерли. Наконец к концу третьей недели наши люди оказались навьюченными разными трофеями: слоновой костью, рогами носорогов, шкурами и высушенной на солнце козлятиной, – и мы решили отправиться на следующий день в обратный путь. На самом деле нельзя было откладывать нашего возвращения, потому что запасы пороха и свинца приходили к концу.

По правде сказать, я был очень рад, что наша экспедиция кончилась так благополучно, и, возвращаясь в последний вечер с охоты, я указал на это Садуко, прибавив, что только северные туземцы могут верить в болтовню кафрских ниангов.

Садуко молча выслушал и ничего не сказал.

Какая бы ни была причина, но я по опыту знаю, что никогда не следует преждевременно хвастаться. В частности, находясь на охоте, не хвастайтесь до тех пор, пока не будете сидеть в безопасности у себя дома. Правильность этой старинной поговорки мне суждено было теперь испытать на себе.

Местность, в которой мы расположились лагерем, была покрыта редким кустарником, а внизу, под холмом, тянулось большое пространство, поросшее сухими камышами. Вероятно, в период дождей эта местность представляла собою болото, которое питалось небольшой речкой, втекавшей в него с противоположной стороны нашего лагеря. Ночью я проснулся, так как мне показалось, что какие-то большие звери двигались в камышах, но не услышав никаких дальнейших звуков, я снова заснул.

Вскоре после рассвета меня разбудил чей-то голос. Сквозь сон я узнал голос Умбези.

– Макумазан, – хриплым шепотом говорил он, – камыши внизу кишат буйволами. Вставай! Вставай скорее!

– Для чего? – спросил я. – Если буйволы вошли в камыши, то они тем же путем выйдут из них. Нам не нужно мяса.

– Нет, Макумазан, но мне нужна их кожа. Панда потребовал от меня пятьдесят щитов; у меня нет столько кожи, а убивать для этого моих быков я не хочу. Эти же буйволы здесь как в ловушке. Болото походит на нору с одним выходом. Они не могут выйти сбоку, а проход, по которому они пришли, очень узкий. Если мы встанем по обе стороны, то можем убить много буйволов.

К этому времени я уже совсем проснулся и встал. Накинув на плечи плащ, я вышел из шалаша, сделанного из веток, и прошел несколько шагов к гребню скалистого холма, откуда я мог видеть высохшее русло реки. Внизу еще стлался густой туман, но оттуда доносились мычанье и топот, и я, старый охотник, не мог ошибиться насчет этих звуков. Очевидно, в камыши забралось целое стадо буйволов в сто или двести голов.

В эту минуту к нам присоединились Скауль и Садуко, оба сильно возбужденные.

Оказалось, что Скауль видел, как буйволы вошли в камыши, и предполагал, что их должно быть двести или триста штук. Садуко исследовал проход, по которому они прошли, и заявил, что он так узок, что мы можем убить любое количество при их попытке выйти из болота.

187

– Я понимаю, – сказал я. – Но, по моему мнению, лучше дать им возможность уйти. Только четверо из нас, считая Умбези, вооружены ружьями, а копыя против буйволов не очень пригодны. Пусть уходят подобру-поздорову.

Умбези, думая о дешевом сыром материале для щитов, сильно запротестовал, и Садуко, для того ли, чтобы понравиться своему будущему тестю или просто из любви к охоте, к которой он чувствовал всегда страсть, поддержал его. Только Скауль, который в качестве готтентота был хитер и осторожен, принял мою сторону, указывая, что у нас мало пороха, а буйволы много едят свинца. Наконец Садуко сказал:

– Макумазан наш начальник. Мы должны повиноваться ему, хотя это и очень жалко. Но, без сомнения, он думает о своей безопасности, а потому ничего не поделаешь.

Слова Садуко задели меня за живое, так как совесть подсказала мне, что в них была доля правды.

– Я не думаю, чтобы нам удалось уложить больше восьми или десяти буйволов, а этого слишком мало для щитов, – сказал я, обращаясь к Умбези. – Иное дело, если бы стадо завязло в тине, но на это нельзя надеяться, так как болото очень сухое. Все равно, идемте и составим

план действий. Нам нельзя терять времени, потому что, я думаю, буйволы двинутся раньше, чем солнце взойдет.

Полчаса спустя четверо из нас, вооруженные ружьями, заняли позиции по обе стороны крутой дороги, прорытой водой и ведущей вниз к болоту, и с нами же засело несколько людей Умбези. Сам Умбези встал рядом со мной – это был почетный пост, который он сам себе выбрал. По правде сказать, я и не противился этому, так как считал безопаснее для себя такое положение, чем если бы он стоял напротив меня: старое ружье могло выстрелить по собственному влечению и попасть в меня.

По-видимому, стадо буйволов улеглось в камышах; поэтому, заняв наши посты, мы предварительно послали троих туземцев-носильщиков к дальнему краю болота, дав им инструкцию разбудить зверей криками. Остальные зулусы – их было десять или двенадцать человек, вооруженных метательными копьями, – остались с нами.

Но что сделали эти туземцы? Вместо того, чтобы поднять шум, как им приказали, они, очевидно, боясь зайти в болото, где могли в любую минуту наткнуться на рога буйволов, подожгли сухие камыши в трех или четырех местах одновременно. Минуту или две спустя дальний край болота превратился в сплошное море пламени, из которого вырывались столбы белого густого дыма. Затем началось столпотворение.

Спавшие буйволы вскочили на ноги и после некоторых секунд нерешительности бросились по направлению к нам, рыча и мыча как безумные. Предвидя, что должно случиться, я быстро отскочил за большую глыбу, а Скауль, с быстротой кошки, вскарабкался на колючее дерево и, не обращая внимания на его шипы, уселся на верхушке в гнездо ягнятника. Зулусы с копьями рассыпались в разные стороны искать прикрытия. Что случилось с Садуко, я не видел, но старик Умбези, обезумев от волнения, прыгнул на самую середину дороги, крича:

– Они идут!.. Они идут!.. Нападайте, буйволы, если хотите!.. Гроза Слонов ожидает вас!..

– Старый болван! – закричал я, но не мог продолжать дальше, потому что как раз в эту минуту первый буйвол, крупнейшее животное (вероятно, вожак стада), принял приглашение Умбези и уже бежал к нему с направленными против него рогами. Ружье Умбези выстрелило, а в следующий момент он сам взлетел кверху. Сквозь дым я увидел в воздухе его черное тело, а затем услышал, как оно с шумом упало на вершину скалы, за которой я прятался.

«Конец бедняге», – подумал я и в виде заупокойного поминания всадил буйволу, отправившему его на тот свет, порцию свинца в ребра в то время, как он пробежал мимо меня. После этого я больше не стрелял, так как подумал, что лучше не выдавать своего присутствия.

За всю свою охотничью жизнь я никогда не видел подобного тому, что произошло потом. Буйволы десятками выскакивали из болота, и каждый из них ревел и мычал на свой лад. Они столпились в узком проходе и, не находя выхода, прыгали друг другу на спины. Они визжали, лягались, ревели. Они с такой силой ударялись о скалу, за которой я лежал, что я чувствовал, как она трясется. Они сломали дерево, на котором засел Скауль, и выбросили бы его из гнезда ягнятника, если бы, к счастью, верхушка не зацепилась за другое, более устойчивое дерево. А вместе с буйволами на нас неслись облака едкого дыма, смешанного с частицами горящего камыша и порывами раскаленного воздуха.

Наконец все кончилось. За исключением нескольких телят, растоптанных во время бегства, все стадо ушло. Теперь, подобно римскому императору (мне кажется, это был император), я стал подсчитывать свои легионы.

– Умбези! – крикнул я, откашливаясь от удушливого дыма. – Ты умер?

– Да, да, Макумазан, – ответил с верхушки скалы грустный, задыхающийся голос, – я умер, совершенно умер. О! Зачем я вообразил себя охотником!.. Зачем я не остался в своем крале?..

– Уж этого я не знаю, старый дурень, – ответил я, карабкаясь на скалу, чтобы проститься с ним.

Скала кончалась острым ребром, похожим на конек крыши, и поперек этого конька, подобно кальсонам на веревке, висел Гроза Слонов.

– Куда он ранил тебя, Умбези? – спросил я, потому что из-за дыма не мог видеть его раны.

– Назади, Макумазан, назади, – простонал он. – Я повернулся, чтобы бежать, но было слишком поздно... Осмотри, что скверное животное мне наделало. Тебе легко будет взглянуть, потому что моя повязка содрана.

Я внимательно осмотрел внушительный зад Умбези, но не мог ничего обнаружить, кроме широкой полосы черной грязи. Тогда я догадался, в чем было дело. Буйвол не попал в него рогами. Он только ударил его своей грязной мордой, которая, будучи почти такой же ширины, как зад Умбези, и причинила ему лишь ссадины. Убедившись, что никакого серьезного ранения не было, я вышел из себя и угостил его таким звонким шлепком – его положение было очень удобное, – какого он не получал со времени своего детства.

– Вставай, идиот ты этакий! – закричал я. – И поищи остальных. Вот к чему привела твоя дурацкая мысль напасть на целое стадо буйволов. Вставай! Ждать мне здесь, что ли, пока я задохнусь!

– Неужели ты хочешь сказать, что у меня нет смертельной раны, Макумазан? – спросил он уже веселым тоном. – Я очень рад это слышать. Я хочу жить, чтобы заставить этих негодяев, которые подожгли камыши, пожалеть, что они родились на свет. А также я хочу покончить с этим буйволом. Я попал в него, Макумазан! Я попал в него!..

– Не знаю, попал ли ты в него, но знаю, что он попал в тебя, – ответил я, снимая его со скалы, а затем побежал к дереву, где в последний раз видел Скауля.

Здесь мне представилась другая картина. Скауль все еще сидел в гнезде ягнятника вместе с двумя наполовину оперившимися орлятами. Одного из них он, вероятно, придавил, и тот испускал жалобные крики. И он кричал не напрасно, так как его родители, принадлежавшие к той разновидности огромных орлов, которых буры называют ягнятниками, прилетели к нему на помощь и клювом и когтями расправлялись с непрошеным гостем. Борьба, на которую я смотрел сквозь клубы дыма, казалась титанической; более шумной борьбы мне никогда не приходилось наблюдать, потому что я не знаю, кто визжал громче – разъяренные ли орлы или их жертва.

Я не мог удержаться и громко расхохотался. В эту минуту Скауль схватил за ногу орла, стоявшего на его груди и вырывавшего пучки волос крючковатым клювом, и смело выпрыгнул из гнезда, где ему становилось слишком жарко. Распростертые крылья орла, действуя как парашют, смягчили его падение. Этому же способствовал и Умбези, на которого он случайно упал. Соскочив с лежавшего Умбези, у которого теперь прибавился еще ушиб спереди, Скауль, весь покрытый ссадинами и царапинами, побежал стрелой, предоставляя мне поднять ружье, которое он уронил у дерева.

Мы выбрались втроем за линию дыма в весьма растерзанном виде – на Умбези не осталось ничего, кроме обруча на голове, – и стали звать остальных. Первым явился Садуко, совершенно спокойный и невозмутимый. Он с удивлением воззрился на нас и спросил, каким образом мы пришли в такое состояние. Я, в свою очередь, спросил его, каким образом ему удалось сохранить такой приличный вид.

Он ничего не ответил, но я подозреваю, что он укрылся в большой норе муравьеда. Затем, один за другим, вернулись и остальные наши люди, разгоряченные и запыхавшиеся. Все были налицо, за исключением тех, кто поджег камыши, и они хорошо сделали, что не явились.

Когда мы все собрались, был поднят вопрос, что нам делать дальше. Конечно, я хотел вернуться в лагерь и выбраться как можно скорее из этого злополучного места. Но я не принял в соображение тщеславия Умбези. Умбези, висевший на краю острой скалы и воображавший, что он смертельно ранен, был одним человеком; но Умбези, хотя и поддерживавший обеими

руками свои ушибленные места, но знавший, что это лишь поверхностные ранения, был совсем другим.

– Я охотник, – сказал он. – Меня зовут Гроза Слонов. – И он завращал глазами, ища кого-либо, кто посмел бы ему противоречить. – Я ранил буйвола, который осмелился напасть на меня. (В действительности это я, Аллан Квотерман, ранил его.) Я хочу прикончить его, потому что он не мог уйти далеко. Пойдемте по его следам.

Он оглянулся кругом, и один из его людей с арабской угодливостью проговорил:

– Да, пойдем по его следам, Гроза Слонов. Макумазан, этот умный белый человек, поведет нас, потому что нет такого буйвола, которого бы он боялся.

Конечно, после этого ничего другого мне не оставалось делать, и, позвав Скауля, мы отправились по следам стада, что было так же легко, как идти по проезжей дороге.

– Ничего, начальник, – сказал мне Скауль, не одобрявший, по-видимому, этого преследования, – они нас перегнали на два часа и теперь далеко.

– Надеюсь, – ответил я, но счастье было против меня. Не прошли мы и полумили, как какой-то чересчур усердный туземец напал на кровавый след.

Я шел по этому следу около двадцати минут, пока не дошел до кустарника, спускавшегося вниз к руслу реки. Следы вели прямо к реке, и по ним я дошел к краю большого водоема, полного водой, хотя сама река высохла. Я остановился, глядя на след и советуясь с Садуко, не переплыл ли буйвол через водоем, так как следы, доходившие до его края, стали неясными и стертыми. Внезапно наши сомнения рассеялись, потому что из густого кустарника, мимо которого мы прошли (буйвол нас подвел, вернувшись по своим собственным следам), появился огромный бык, прихрамывавший на одну ногу, так как моя пуля пробила ему ногу. Нельзя было сомневаться, что это был тот самый бык, потому что с правого его рога, расщепленного наверху, свешивались обрывки повязки Умбези.

– Берегись, Макумазан! – закричал Садуко испуганным голосом.

Я поднял ружье и выстрелил в нападавшее на меня животное, но промахнулся. Я отбросил ружье – буйвол мчался прямо на меня – и сделал попытку отскочить в сторону.

Мне это почти удалось, но расщепленный рог, на котором висели остатки повязки, подцепил меня и отшвырнул с берега реки в глубокий водоем. При моем падении я увидел, как Садуко прыгнул вперед, и услышал выстрел, заставивший буйвола присесть. Затем медленным, скольльзящим движением буйвол последовал за мною в водоем.

Таким образом мы очутились оба в водоеме, но там не было места для нас обоих. Я делал попытки увернуться, но вскоре был побежден. Буйвол, казалось, делал все, что мог делать при таких обстоятельствах. Он старался заботать меня, что частью ему и удалось, хотя я нырял при каждомпадении. Затем он ударил меня мордой и потащил на дно, хотя я ухватился за его губу и перекрутил ее. Затем он встал на меня коленом и все глубже и глубже погружал меня в тину. Я помню, что я его ударил ногой в живот. После этого я ничего больше не помню, потому что меня окутала тьма.

Когда я пришел в себя, я увидел склонившуюся надо мной высокую фигуру Садуко с одной стороны, а с другой – Скауля, который, очевидно, плакал, так как горячие слезы падали на мое лицо.

– Он умер! – горевал бедный Скауль. – Буйвол убил его! Он умер, лучший белый человек во всей Южной Африке, которого я любил больше родного отца и всех моих родственников!

– Это тебе нетрудно, – ответил Садуко, – так как ты не знаешь, кто они. Но не волнуйся, он не умер. Я попал копьём в сердце этого буйвола раньше, чем он успел вышибить из него жизнь, потому что, к счастью, тина была мягкая. Но я опасюсь, что у него сломаны ребра. – И он ткнул меня пальцем в грудь.

– Сними свою руку, – с трудом проговорил я.

– Видишь? – сказал Садуко. – Разве я не сказал тебе, что он жив?

После этого я помню лишь какой-то смутный бред, пока не увидел себя лежавшим в большой хижине, оказавшейся впоследствии хижинкой Умбези, той самой, в которой я лечил ухо его жены, прозванной Старой Коровой.

Глава IV. Мамина

При свете, вливавшемся через дымовое и дверное отверстия, я осматривал некоторое время потолок и стены хижины, стараясь отгадать, чья она и как я сюда попал.

Я постарался присесть, но мгновенно почувствовал мучительную боль в области ребер, которые были перевязаны широкими полосами мягкой дубленой кожи. Было ясно, что ребра сломаны.

– Но каким образом они сломались? – спросил я себя, и тогда я вспомнил все, что случилось. В эту минуту я услышал шорох и понял, что кто-то влезает в хижину через дверное отверстие. Я закрыл глаза, не будучи в настроении разговаривать. Кто-то вошел и остановился надо мной. Я инстинктивно почувствовал, что это была женщина. Я медленно приоткрыл свои веки ровно настолько, чтобы быть в состоянии разглядеть ее.

В лучах золотистого света, проникавшего через дымовое отверстие и пронизывавшего мягкие сумерки хижины, стояло самое прекрасное существо, какое я когда-либо видел, то есть если допустить, что женщина с черной или, вернее, бронзовой кожей может быть прекрасна.

Она была немного выше среднего роста, но ее фигура была очень пропорциональна. Я мог ее прекрасно разглядеть, так как, за исключением небольшого фартука и нитки бус на груди, она была совершенно нагая. Черты ее лица не носили следов негритянского типа, наоборот, они были чрезвычайно правильные: нос был прямой и тонкий, а рот, хотя с немного мясистыми губами, между которыми виднелись ослепительно-белые зубы, был невелик. Глаза, большие, темные и прозрачные, напоминали глаза лани, а над гладким, широким лбом низко росли вьющиеся, но не войлочные, как у негров, волосы. Кстати, ее волосы не были зачесаны на туземный манер, а были просто разделены пробором посередине и связаны большим узлом на затылке. Кисти и ступни были маленькие и изящные, а изгибы бюста нежные и в меру полные.

Поистине, это была красивая женщина; однако в этом красивом лице было что-то неприятное. Я старался выяснить причину и пришел к заключению, что оно было слишком рассудочное. Я сразу почувствовал, что ум ее был светлый и острый, как полированная сталь, что эта женщина была создана для того, чтобы властвовать, и что она никогда не будет игрушкой для мужчины или его любящей подругой, а сумеет использовать его для своих честолюбивых целей.

Она опустила свой подбородок, прикрыв им маленькую ямочку на шее, что составляло одну из ее прелестей, и начала изучать черты моего лица. Заметив это, я плотнее закрыл глаза, чтобы себя не выдать. Очевидно, она думала, что я все еще нахожусь в бессознательном состоянии, потому что вскоре она заговорила сама с собой тихим и мягким голосом.

– Мужчина некрупный, – сказала она, – Садуко вдвое больше его, а другой (мне интересно было знать, кто был этот другой) – втрое больше его. Волосы его очень некрасивые; он коротко стрижет их, и они торчат у него, как шерсть у кошки на спине. Пфф! – презрительно фыркнула она. – Как мужчина он ничего не стоит. Но он белый, один из тех, которые властвуют. Все зулусы признают в нем своего предводителя. Его называют «Тот, кто никогда не спит». Говорят, что у него мужество львицы, защищающей своих детенышей, что он проворный и хитрый, как змея, и что Панда считается с ним больше, чем с каким-либо другим белым. Он не женат, хотя говорят, что он имел двух жен, которые умерли, и что теперь он даже не смотрит на женщин. Это странно для мужчины, но не надо забывать, что здесь, в стране зулусов, все женщины только самки и ничего больше.

Она замолчала, а затем продолжала мечтательным голосом:

– Вот если бы он встретил женщину, которая не была бы просто самкой, женщину умнее его самого, даже если бы она не была белой, то интересно...

Здесь я нашел нужным проснуться. Повернув голову, я зевнул, открыл глаза и взглянул на нее. В одно мгновение выражение ее лица изменилось и вместо властолюбивых мечтаний на нем отразился девичий испуг. От этого лицо сделалось женственнее и привлекательнее.

– Ты Мамина? – сказал я. – Не так ли?

– Да, инкузи, – ответила она. – Таково мое имя. Но от кого ты его слышал и как ты меня узнал?

– Я слышал его от некоего Садуко, – при этом имени она немного нахмурилась, – и от других, а узнал я тебя, потому что ты так красива.

Она ослепительно улыбнулась и вскинула свою головку.

– Разве я красива? – спросила она. – Я никогда этого не знала! Ведь я простая зулусская девушка, которой великому белому предводителю угодно говорить любезности, и я благодарна ему за них. Но, – продолжала она, – кем бы я ни была, но я совсем невежественна и не сумею ухаживать за твоими ранами. Может быть, пойти мне за мачехой?

– Ты говоришь о той, кого твой отец называет Старой Коровой и которой он прострелил ухо?

– Да, по описанию это она, – ответила она, слегка засмеявшись, – хотя я никогда не слышала, чтобы он так называл ее.

– Или если слышала, то, вероятно, забыла, – сказал я сухо. – Нет, благодарю тебя, не зови ее. К чему беспокоить ее, когда ты сама можешь сделать то, что мне нужно. Если в той чашке есть молоко, то, может быть, ты дашь мне попить.

В следующую минуту она уже стояла на коленях около меня и, поднося чашку к моим губам одной рукой, другой поддерживала мою голову.

– Это для меня большая честь, – сказала она. – Я вошла в хижину как раз перед тем, как ты проснулся, и, видя, что ты все еще без сознания, я заплакала... посмотри, мои глаза еще мокрые (действительно, они были мокрые, хотя я не знаю, как это случилось). Я боялась, что сон твой может оказаться роковым.

– Ты очень добра, – сказал я. – Но, к счастью, твои опасения неосновательны, а потому садись и расскажи, как я попал сюда.

Она села не так, как это обыкновенно делают туземки, в коленопреклоненном положении, а села на табурет.

– Тебя принесли в краль, инкузи, – сказала она, – на носилках из веток. Сердце мое остановилось, когда я увидела эти носилки. Я подумала, что убитый или раненый был... – И она остановилась.

– Садуко? – подсказал я.

– Все нет, инкузи... мой отец.

– Но так как это был ни тот, ни другой, – сказал я, – то ты почувствовала себя счастливой.

– Счастливой? Как я могла считать себя счастливой, инкузи, когда гость нашего дома был ранен, может быть, насмерть – гость, о котором я так много слышала, хотя, к несчастью, меня не было дома, когда он прибыл.

– Продолжай свой рассказ, – перебил я ее.

– Мне нечего больше рассказывать, инкузи. Тебя внесли сюда, и я узнала, что злой буйвол тебя чуть не убил в водоеме. Вот и все.

– Но как я выбрался из водоема?

– Кажется, твой слуга Сикаули прыгнул в воду и привлек на себя внимание буйвола, который вдавливал тебя в тину, а Садуко забрался ему на спину и всадил копьё между лопатками до самого сердца, так что он издох. Потом тебя вытащили из тины, почти совсем раздавленного, и вернули тебя к жизни. Но затем ты снова потерял сознание и до настоящей минуты бредил и не приходил в себя.

– Он очень храбрый, этот Садуко.

– Как и все, ни больше ни меньше, – ответила она, пожав своими закругленными плечами. – Я считаю храбрым того, кто был под буйволом и скрутил ему нос, а не того, кто сидел на его спине и проткнул его копьем.

В этой части нашего разговора я внезапно опять лишился чувств и потерял представление обо всем, даже об интересной Мамине. Когда я снова пришел в себя, ее уже не было, а на ее месте был старый Умбези, который, как я заметил, снял со стены хижины циновку и сложил ее в виде подушки, прежде чем сесть на табурет.

– Привет тебе, Макумазан, – сказал он, увидя, что я проснулся, – как ты поживаешь?

– Лучше нельзя желать, – ответил я, – а как ты поживаешь?

– Плохо, Макумазан. До сих пор я едва могу сидеть, потому что у этого буйвола была очень твердая морда. Спереди у меня тоже распухло, там, где ударил меня Скауль, когда он свалился с дерева. А сердце мое разорвалось надвое из-за наших потерь.

– Каких потерь, Умбези?

– Ох, Макумазан. Пожар, который устроили эти негодяи, захватил и наш лагерь, и почти все сторело – мясо, шкуры, даже слоновая кость, которая так потрескалась, что никуда не годится. Это была несчастная охота, хотя она и началась удачно, но вышли мы из нее почти голыми. Да, у нас ничего не осталось, кроме головы буйвола с расщепленным рогом. Я думал, что ты захочешь сохранить его череп.

– Ну, Умбези, поблагодарим судьбу, что мы остались живы, – то есть если я не умру, – прибавил я.

– О Макумазан, ты, без сомнения, будешь жить. Так сказали два наших знахаря, которые осматривали тебя. Один из них наложил на тебя эти кожаные повязки, и я обещал ему телку, если он вылечит тебя, и дал ему в задаток козла. Но он сказал, что ты должен лежать здесь месяц, если не больше. Тем временем Панда прислал за кожей для щитов и я принужден был убить двадцать пять моих лучших коров, то есть моих собственных коров и коров моих людей.

– Мне очень жаль, что ты не убил коров до того, как мы встретили этих буйволов, – проворчал я, потому что у меня очень болели ребра. – Пришли сюда Садуко и Скауля. Мне хотелось бы поблагодарить их за то, что они спасли мне жизнь.

На следующее утро они пришли и я горячо поблагодарил их.

– Не надо, не надо, инкузи, – сказал Скауль, который буквально плакал слезами радости при виде того, что ко мне снова вернулись сознание и рассудок; это были не слезы Мамины, а настоящие слезы, потому что я видел, как они стекали по его плоскому носу, носившему еще следы орлиных когтей. – Не надо, не благодари больше, умоляю тебя. Если бы ты умер, то и я пожелал бы умереть. Вот почему я прыгнул в воду спасти тебя.

Когда я услышал это, мои глаза тоже увлажнились. Мы привыкли свысока смотреть на туземцев, а между тем где мы встретим большую преданность и любовь, как не среди дикарей?

– Что касается до меня, инкузи, – сказал Садуко, – то я только исполнил свой долг. Как мог бы я ходить с поднятой головой, если бы буйвол убил тебя, а я остался бы жив? Даже девушки засмеяли бы меня. Но какая толстая шкура была у буйвола! Я уж думал, что копьем никак не проткнул ее.

196

Заметьте разницу в характере этих двух людей. Один, вовсе не герой в повседневной жизни, рисковал просто из верности к своему господину, который часто ругал его, а иногда и бил за пьянство. Другой рисковал жизнью из тщеславия и, может быть, также потому, что моя смерть помешала бы его планам и его честолюбивым замыслам, в которых я должен был принять участие.

Когда Скауль вышел из хижины приготовить мне пищу, Садуко сразу перевел разговор на Мамину. Он слышал, что я видел ее, и хотел знать, нахожу ли я ее красивой.

– Да, очень красивой, – ответил я. – Это самая красивая зулуска, которую я когда-либо видел.

– И она умная, такая же умная, как белые женщины?

– Да, очень умная... гораздо умнее многих белых.

– И... какая она еще?

– Очень изменчивая. Она может меняться, как ветер, и быть то теплой, то холодной.

Он немного подумал, а затем сказал:

– Какое мне дело, если она холодна к другим, лишь бы она была тепла ко мне.

– А она тепла к тебе, Садуко?

– Не совсем, Макумазан. – Опять молчание. – Мне кажется, она скорее похожа на ветер, дующий перед большой бурей.

– Да, это режущий ветер, Садуко, и когда он дует, мы знаем, что разразится буря.

– И я полагаю, что буря разразится, инкузи, потому что Мамина родилась в бурю и буря сопутствует ей. Но что из этого, если она и я выдержим ее вместе. Я люблю ее и готов лучше умереть с ней, чем жить с другой женщиной.

– Вопрос в том, Садуко, захочет ли она лучше умереть с тобой, чем жить с другим мужчиной? Она тебе это сказала?

– Инкузи, мысли Мамины таятся во мраке. Ее мысль похожа на белого муравья, роющего подземный ход в иле. Мы видим подземный ход, показывающий, что она думает, но мы не видим самую мысль. Только иногда, когда она полагает, что никто не видит или не слышит ее (я вспомнил о монологе молодой девушки, когда она думала, что я лежу без сознания), или когда ее застать врасплох, проглядывает из подземного хода подлинная ее мысль. Так случилось недавно, когда я умолял ее выйти за меня замуж. «Люблю ли я тебя?» – спросила она. – Наверно я этого не знаю. Как я могу сказать? У нас нет обычая, чтобы девушка любила прежде, чем она выйдет замуж, иначе большинство замужеств превратилось бы в вопрос сердца, а не расчета и тогда половина отцов в стране зулусов обеднела бы и не захотела бы воспитывать дочерей, которые им ничего не приносят. Ты храбр, красив, и я охотнее жила бы с тобой, чем с каким-нибудь другим мужчиной... то есть если бы ты был богатым или, еще лучше, могущественным. Стань сильным и могущественным, Садуко, и я полюблю тебя». – «Я этого достигну, Мамина, – ответил я, – но ты должна подождать. Зулусское королевство не было основано в один день. Сперва должен был явиться Чака». – «Ах! – воскликнула она, и глаза ее засверкали. – Чака! Вот это был человек! Стань таким, как Чака, и я полюблю тебя, Садуко, больше... больше, чем ты можешь себе это представить... вот так...» И она обвила руками мою шею и поцеловала меня так, как меня никто еще не целовал. Ты знаешь, что среди наших девушек это не принято. Затем она со смехом оттолкнула меня и прибавила: «Что же касается до того, чтобы я тебя ждала, то спроси об этом моего отца. Разве я не его телка, предназначенная для продажи, и разве я могу послушаться моего отца?» И она ушла и больше не хочет говорить об этом – белый муравей снова скрылся в подземный ход.

– А ты говорил с ее отцом?

– Да, я говорил с ним, но в неудачную минуту, когда он только что убил скот, чтобы поставить Панде щиты. Он ответил мне очень грубо. Он сказал: «Ты видишь этих мертвых животных, которых я должен был убить для короля, чтобы не впасть в немилость. Приведи мне в пять раз больше, и тогда мы поговорим о твоей женитьбе на моей дочери». Я ответил, что постараюсь сделать что могу, после чего он смягчился, так как у Умбези вообще доброе сердце. «Сын мой, – сказал он. – Ты мне нравишься, а с тех пор, как ты спас моего друга Макумазана, ты мне нравишься еще больше. Но ты знаешь мои обстоятельства. Я беден, а Мамина представляет из себя большую ценность. Немногие отцы вырастили такую девушку. Так вот, я должен извлечь из нее наибольшую выгоду. Я хочу такого зятя, на которого я могу опереться в старости, к кому я всегда могу обращаться в минуту нужды. Теперь я тебе все высказал. Вер-

нишь со скотом, и я выслушаю тебя, но знай, что я не связан ни с тобой, ни с кем-либо другим. Я возьму то, что пошлет мне судьба. Еще одно слово: не задерживайся слишком долго в этом крале, чтобы не говорили, что ты жених Мамина. Ступай, соверши дело, достойное мужчины, и возвращайся с добычей или совсем не возвращайся».

– Что же, Садуко, это копьё не без острия! – ответил я. – Как же ты решил поступить?

– Я решил, – сказал он, поднимаясь, – уйти отсюда и собрать тех, кто дружески расположен ко мне, потому что я сын своего отца и предводитель амангванов или, вернее, тех, кто остался из них в живых, хотя у меня нет ни краля, ни скота. Затем, к тому времени, как на небе появится новая луна, я надеюсь вернуться сюда и найти тебя снова сильным и здоровым, и тогда мы отправимся, как я уже говорил тебе, в поход против Бангу, с разрешения короля, который сказал, что я могу, если мне удастся забрать скот, оставить его себе за свои труды.

– Не знаю, Садуко. Я тебе никогда не обещал, что пойду войной против Бангу – с разрешения ли или без разрешения короля.

198

– Нет, ты мне никогда не обещал. Но Зикали, мудрый карлик, сказал, что ты примешь участие, а разве Зикали лжет? Прощай, Макумазан. Я выступлю с рассветом и поручаю Мамину твоим заботам.

– Ты хочешь сказать, что поручаешь меня заботам Мамина, – начал я, но он уже выполз из дверного отверстия хижины.

Нужно сказать, что Мамина очень заботилась обо мне. Не обращая внимания на злобу и ругань Старой Коровы, она сумела выпроводить ее, зная, что я ее ненавижу. Она сама делала мне перевязки и варила мне пищу, из-за чего она несколько раз поссорилась с Скаулем, который не любил ее, так как она не удостаивала его своих очаровательных улыбок. Когда я окреп, она очень много сидела со мною и разговаривала, потому что, с общего согласия, красавица Мамина была освобождена не только от полевых, но даже и от домашних работ, выпадающих на долю кафрских женщин. Ее назначением было быть украшением краля ее отца и, если можно так выразиться, его рекламой.

Мы обсуждали разные вопросы, начиная с религии вплоть до европейской политики, потому что ее жажда знания казалась ненасытной. Но больше всего ее интересовало положение дел в стране зулусов, которое мне было хорошо известно как человеку, принимавшему участие в ее истории и пользовавшемуся доверием в королевском доме, а также как белому, понимавшему планы буров и губернатора Наталя.

– Если старый король Панда умрет, – спрашивала она меня, – кто из его сыновей будет его преемником – Умбелази или Сетевайо? Или если он не умрет, кого из них он назначит своим наследником?

Я ответил, что я не пророк и ей лучше спросить об этом Зикали Мудреца.

– Это очень хорошая мысль, – сказала она, – но мне не с кем пойти к нему, так как мой отец не позволит мне ходить с Садуко. – Затем она захлопала в ладоши и прибавила: – О Макумазан, сведи меня к нему. Мой отец доверит меня тебе.

– Да, я полагаю, – ответил я, – но вопрос в том, могу ли я себе доверить?

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила она. – Ах, я понимаю! Так, стало быть, я значу для тебя больше, чем черный камушек, годный только для игры.

Я думаю, эта моя неудачная шутка в первый раз заставила Мамину призадуматься. Во всяком случае, после этого ее обращение со мной изменилось. Она стала очень почтительной, прислушивалась к моим словам, как будто они были невесть какой мудростью, и часто я ловил на себе ее взгляд, полный восхищения. Она стала делиться со мной своими заботами и своими надеждами. Она спрашивала меня относительно Садуко. На этот счет я ответил ей, что если она любит его и ее отец разрешит это, то лучше ей выходить за него замуж.

– Он мне нравится, Макумазан, хотя иногда он мне надоедает, но любовь... О, скажи мне, что такое любовь, Макумазан?

– Я думаю, – ответил я, – что в этом вопросе ты более сведуща и могла бы меня научить.

– О Макумазан, – ответила она почти шепотом, опустив голову, – разве ты когда-нибудь дал мне возможность?!

– Что ты этим хочешь сказать, Мамина? – спросил я, начиная нервничать. – Как мог я... – И я остановился.

– Я не знаю, что я хочу сказать, Макумазан, – воскликнула она, но я хорошо знаю, что ты хочешь сказать, – что ты белый, как снег, а я черная, как сажа, и что снег и сажу нельзя смешать вместе.

– Нет, – серьезно ответил я, – и снег и сажа в отдельности красивы, но при смешивании дают грязный цвет. Я не хочу сказать, что ты похожа на сажу, – прибавил я поспешно, боясь ее обидеть. – У тебя цвет кожи, как твое запястье. – И я дотронулся до бронзового браслета на ее руке. – Очень красивый цвет, Мамина, как и все в тебе красиво.

– Красиво, – сказала она, тихонько заплавав, что вывело меня из равновесия, так как я не переношу женских слез. – Как может быть красивой зулусская девушка?! О Макумазан, природа плохо поступила со мной, дав мне цвет кожи моего народа, а ум и сердце твоего. Если бы я была белая, то моя, как ты называешь, красота принесла бы мне пользу, потому что тогда... тогда... ты не можешь догадаться, Макумазан?

Я покачал отрицательно головой и в следующую минуту пожалел, потому что она начала объяснять.

Опустившись на пол (мы были совершенно одни в хижине), она положила свою красивую голову на мои колени и стала говорить тихим, нежным голосом, прерываемым иногда рыданиями.

– Тогда я скажу тебе... я скажу тебе. Да, если даже ты меня и возненавидишь потом. Ты прав, Макумазан, я могу отлично научить тебя, что такое любовь... потому что я люблю тебя. (Рыдание.) Нет, не возражай, пока ты меня не слушаешь. – Она обвила руками мои ноги и крепко держала их, так что, не применяя силы, мне абсолютно невозможно было двинуться. – Когда я первый раз увидела тебя, разбитого и без чувств, мне показалось, что снег упал на мое сердце... оно остановилось на время, и с тех пор оно не то, что раньше. Мне кажется, будто что-то растет в моем сердце. (Рыдание.) До этого мне нравился Садуко, но потом я совсем невзлюбила его... ни его, ни Мазапо... ты знаешь, это тот толстый предводитель, который живет за горой, он очень богат и могуществен и хочет взять меня в жены. А по мере того, как я ухаживала за тобой, мое сердце становилось все шире и шире, а теперь, ты видишь, оно лопнуло (Рыдание.) Нет, сиди смирно и не пытайся говорить. Ты должен выслушать меня, потому что ты причинил мне все эти страдания. Если ты не хотел, чтобы я полюбила тебя, то почему ты не ругал и не бил меня, как поступают англичане с кафрскими девушками? – Она встала и продолжала: – Слушай теперь. Хотя кожа моя цвета бронзы, но я красива. Я из хорошей семьи, и, Макумазан, я чувствую в себе огонь, который говорит мне, что я сделаюсь великой. Возьми меня в жены, Макумазан, и я клянусь тебе, что через десять лет я сделаю тебя королем зулусов. Забудь своих бледных белых женщин и сочтайся с огнем, который горит во мне, и он пожрет все, что стоит между тобой и престолом, как пламя пожирает сухую траву. Более того, я сделаю тебя счастливым. Если ты захочешь взять себе других жен, я не буду ревновать, потому что я знаю, что твоим умом буду владеть я и что, в сравнении со мной, остальные жены не будут для тебя ничего значить!..

– Но, Мамина, – прервал я ее, – я не желаю быть королем зулусов!

– Нет, нет, ты желаешь, потому что всякий мужчина стремится к власти, и лучше властвовать над храбрым черным народом – над тысячами и тысячами их, – чем быть никем среди белых. Подумай. Наша страна богатая; применив твое искусство и твои познания, можно вне-

сти улучшения в войска. Имея богатство, ты сможешь вооружить воинов ружьями, а также громовыми глотками⁴. Мы будем непобедимы. Королевство Чаки будет ничто в сравнении с нашим, потому что тысячи воинов будут ожидать твоего слова. Если ты захочешь, ты можешь даже покорить Наталь и сделать белых своими подданными. Но, может быть, благоразумнее оставить их в покое, не то другие белые придут из-за зеленой воды к ним на помощь. Лучше пробиться к северу, где, как мне рассказывали, лежат большие богатые земли, в которых никто не будет оспаривать нашего владычества.

---

⁴ Так называют кафры пушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.